

Павленко Л.В.

СЛУЖЕНИЕ ПАСТЫРЯ И ПРИЗВАНИЕ ПОЭТА

(отрывок из поэмы Григория Богослова «О своей жизни»)

Григорий, сын христианского священника, родившийся в 329 или 330 году в городке Назианц (провинция Каппадокия в восточной части тогда еще формально существовавшей Римской империи) и позже прозванный Богословом, почитается вместе с Василем Великим и Иоанном Златоустом одним из трех Святителей христианской Церкви. Основы образованности (конечно, еще языческой) Григорий приобрел в школах городов Кесария в Палестине и Александрия в Египте; позже он учился в Афинах у знаменитого риторика Гимерия. Он был ближайшим другом, соучеником и сотрудником Василия Великого (епископа Кесарийского) и его младшего брата Григория, также писателя и епископа в городе Нисса; им троим, удалось отстоять основы устройства и возможность деятельности Церкви в едва ли не самые трудные для нее годы, в период недолгого правления императора Юлиана Отступника (361-363 г.г.), а позже - построить многочисленные храмы, основать десятки скитов и монастырей на обширном пространстве между Красным и Черным морями. Василий был истинным подвижником в делах церковных, о чем, свидетельствует, к примеру, одно из его писем, адресованное Григорию и повествующее о поисках места для создания христианской монашеской обители; в письме проявляются не только забота епископа об условиях жизни для братии, но и его эстетический вкус и глубокая образованность - начитанность в античных (языческих) авторах:

«Брат Григорий¹ написал мне, что хочет снова встретиться с нами, добавляя, что и ты решился на это, но я, прежде не раз обманутый, отнесся с недоверием и, связанный делами, не смог ждать. Ведь мне уже нужно отправляться в Понт², где, может быть, если бог изволит, кончатся скитания. Когда рухнули надежды на тебя, вернее сказать - сны (хвалю назвавшего надежды сновидениями бодрствующими), я ушел искать место жительства в Понт. Бог указал мне там местечко, которое полностью подходит мне. Поистине я увидел здесь то, о чем мечтали мы, бездельничая и шутя. Там высится гора, поросшая дремучим лесом. Северный склон ее изборожден холодными прозрачными ручьями. Расстилается долина у подножья, и поят ее горные потоки. Вокруг нее как некая ограда разросся лес, где перемешаны разнообразие деревьев, так что перед этим и остров Калипсо³ ничтожен, хотя Гомера, видимо, пленил он красотой больше всех. Ведь и долина эта, защищенная со всех сторон, напоминает остров. По краям ее два глубокие обрыва. Ее окаймляет река, стекающая с кручи, - это такая стена, которую не обогнуть и не перейти. Подступ к предгорью заперт, так как гора с двух сторон растянута, и ее серповидные отроги доходят до обрывов. Вход в долину только один, и он в нашем распоряжении. Место, чтобы поселиться, дает еще один отрог с высоким хребтом на вершине, так что оттуда взору открывается долина и сверху можно видеть даже огибающую ее реку - зрелище, думаю, не менее приятное, чем вид на Стримон⁴ из Амфиополя. Ведь там спокойное течение создает заводь, и река почти совсем исчезает в неподвижности вод. Здесь же поток более быстрый, чем все реки, которые я видел. У соседней скалы он чуть бурлит, а расплескиваясь после нее, сливается в глубокою пучину - сладостное зрелище и для меня и для любого, кто сюда заглянет; выгодный промысел для местных поселенцев: в водовороте сказочное изобилие рыб! Что говорить о том, как ощутимо здесь дыхание земли, как от реки веет прохладой? Другой бы восхищался тут и множеством цветов и певчих птиц, а мне не время думать о всем этом. Скажем о нем самое главное: весьма плодородное по своему положению, оно приносит самый приятный для меня плод - тишину. В нем нет ни городской суеты, ни даже путников, разве кто встретится на охоте. Много в этой долине и зверей - не медведей и ваших волков, - ну их! - а целые стада оленей и диких коз, зайцы и прочая подобная живность. Тебе понятно теперь, на что рискнул я, безумный, упорно стремясь обменять Тивернину, это болото, на такое местечко, как это? Ты простишь, что я сейчас спешу туда? Ведь и Алкмеон⁵, найдя Эхиниды, перестал скитаться» [1; с.67 сл.].

Григорий же, в отличие от Василия, был далек от подобных занятий и не стал церковным деятелем по преимуществу, каковыми были Василий и два его брата-епископа; не стремясь, в отличие от Василия, занять видное положение в церковной иерархии, он предпочитал довольствоваться скромным положением священника в маленьком городке Сасимы, и лишь в 379 г. получил предложение императора Феодосия Великого стать патриархом константинопольским. Величайшим его деянием на этом посту были подготовка и проведение в 381 г. в Константинополе II Вселенского Собора христианской Церкви, после чего он снова отходит от активной церковной деятельности и до самой смерти (390 г.) ведет уединенную жизнь в

¹ Брат Григорий - младший брат Василия, писатель и церковный деятель Григорий Нисский.

² О поисках Василием места обитания для себя где-то в Малой Азии достоверных сведений нет; письмо, вероятно, написано в «аскетический» период жизни Василия, в годы основания им храмов и монастырей в пустынных местностях между Понтом (областью на южном берегу Черного моря) и Египтом. Возможно, речь идет о прекрасной и подходящей для основания обители местности вблизи Неокесарии, где находилось известное Василию с детства обширное имение его отца.

³ Красота этой местности побуждает писателя сравнить его с чудесным островом нимфы Калипсо, описанным в V песне "Одиссеи" Гомера.

⁴ Река Стримон - Струма в современной Болгарии, впадает в Эгейское море у Амфиополя, греческого города в Македонии.

⁵ Алкмеон - мифологический персонаж, преследуемый древними богинями Эринидами, подобно Оресту, сыну аргосского царя Агамемнона, за убийство матери. Избавление от мук Алкмеон обитает на внезапно возникшем из морской пучины острове.

унаследованном от родителей имении в каппадокийской деревушке Арианзе. Очевидно, именно здесь Григорию удалось достичь желаемого: вся предшествующая его переписка с друзьями и церковными деятелями свидетельствует о его постоянном стремлении к уединенному и созерцательному образу жизни, к занятиям преимущественно литературным творчеством. Он и был истинным поэтом, стремящимся не столько убедить в чем-то других, сколько познать самого себя и выразить собственное мироощущение:

Кто я? Откуда пришел? Куда направляюсь? Не знаю, И не найти никого, кто бы наставил меня... (пер. С.С.Аверинцева).

Сохранившееся наследие Григория тем не менее весьма значительно: это и внушительное число "слов" - 45 сочинений богословского характера, 245 писем и огромное количество поэтических произведений: достаточно вспомнить, что Палатинская Антология сохранила 256 его эпиграмм, выделенных в отдельную, восьмую книгу. До недавнего времени только переведенные на русский язык эпиграммы и были доступны широкому кругу читателей, прочие же сочинения Григория Богослова - главным образом, труды богословского характера - переводились и изучались высоко ценившими их христианскими теологами и служителями церкви. Поэтическая же трилогия Григория ("О своей жизни", "О моей судьбе" и "О страданиях моей души") была известна русскоязычному читателю только по прозаическому переводу, выполненному еще в XIX столетии. Эти сочинения Святителя отличаются глубочайшим психологизмом и предельной искренностью, и они, возможно, повлияли на характер самого читаемого произведения европейского Средневековья - "Исповеди" Блаженного Августина.

Для нашего перевода отобран фрагмент, освещающий один из самых драматических моментов в жизни Григория - его размолвку с Василием Великим и последующие события. Позже давние отношения дружбы и сотрудничества восстановились, о чем свидетельствует и произнесенное Григорием в Кесарии 1 января 382 г. Надгробное Слово в честь Василия, умершего в 379 году. Эта речь поражает отточенностью риторического стиля, местами напоминающего лучшие речи Демосфена; она свидетельствует не только о стремлении Григория воздать должное жизни и деяниям друга и выдающегося служителя Церкви, но и придать этой оценке достойное литературное обрамление: «Описал я его не с тем, чтобы прибавить что-либо к славе Василия. Ведь как море не нуждается в том, чтоб вливались в него реки... так и тот (т.е. Василий), кому воздают ныне похвалы, не нуждается в том, чтобы другие прибавляли что-либо к его отличным качествам. А мне хотелось показать, какие примеры были пред ним с самого начала, на какой образец смотрел он и насколько превзошел его. Ведь если для других важно заимствовать нечто для своей славы у предков, то для Василия важнее было прибавлять от себя к великой славе отцов, наподобие всплывающей текущей реки» [2, с. 79]. Литературное дарование Григория столь же легко обнаружить и в его обличительных речах против Юлиана, где он не просто осуждает деятельность этого реставратора язычества, но и стремится дать психологическую характеристику императора, интересную еще и потому, что Григорий хорошо знал его по совместному их обучению в Афинах в молодые годы.

И в богословских трактатах, и в письмах, и в полемических произведениях Григория постоянно присутствует обширный литературный материал, заимствуемый не только из книг Ветхого и Нового Заветов, но и из «языческой» античной литературы. Поражает память этого человека, точность цитирования им литературных источников - в условиях отсутствия библиотек! В подтверждение этому достаточно привести хотя бы одно из мест во Второй речи против Юлиана, где Григорий приводит не только параллели из Библии и мифов, но и точную цитату из "Одиссеи" (XXII, 290 ел.), которые должны подкрепить убежденность Григория в том, что Юлиана за содеянное зло ждут посмертные муки в аду. Особый гнев обличителя вызывает закон об образовании, принятый по инициативе императора Юлиана 17 июня 362 года; текст этого закона не сохранился, но, судя по откликам на него в сочинениях христианских писателей, он запрещал преподавание христианского богословия в учебных заведениях империи. И это понятно: гомилия (речь к ученикам) Василия Великого «Какую пользу молодые люди могут извлечь из языческих книг», это едва ли не единственное «филологическое» сочинение в обширном наследии первого Святителя свидетельствует о том, что и он сам, и его друзья были убежденными защитниками всякого знания, а не преданными определенным идеологическим догмам христианами-фанатиками.

Небольшая поэма Григория Богослова "О своей жизни" была создана, предположительно, около 381 года, когда автор ее возвратился из Константинополя в родные места, чтобы провести в маленьком городке Сасимы, где он и ранее был епископом, последние годы своей жизни. Отрывок интересен не только как биографическое свидетельство, но и тем, что он представляет читателю жизнь христианских общин после правления Юлиана и непростые отношения между друзьями - Василием Великим и Григорием. Первый неустанно трудился, укрепляя Церковь, а второй, в силу своих природных склонностей, тяготел к труду поэта и богослова.

ГРИГОРИИ НАЗИАНЗИН или БОГОСЛОВ

«О своей жизни»⁶
(стр. 389 - 556)

... Тогда явился к нам мой наилучший друг,
Василий - имя это скорбно⁷ вымолвлено! - 390
Второй отец, отяготивший жизнь мою.
Его тиранство я терпеть был вынужден
По дружбе нашей, не по принуждению,
Хотя оно причиной стало многих бед.
Не знаю, что виной - мои ль грехи,
Как старые, так и совсем недавние -,
Но порицать теперь могу ли я тебя,
Из всех людей, кого я знаю, лучшего,
За эту властность, высшим саном данную?
И коль уж речь идет здесь о таких делах, 400
Ты сам, быть может, так не бременил меня -
Как прежде, о добрейший, не тиранствовал -,
Будь рядом более терпимый судия,
Обоих нас к тому ж прекрасно знающий.
Что случилось с тобой? Зачем меня с толпой
Смешал? Ужель не чтить законы дружества,
Столь низко ставя в жизни преданных людей?
Вчера мы львами были, ныне ж обезьяною
Я стал, тогда как ты - почти все тот же лев!

Дерзну сказать: когда б ты так на всех друзей
Смотрел, то все же я иного заслужил,
Ведь некогда меня ты предпочел другим,
Не возносясь над всеми выше облака.
Душа моя, не плачь! Бег конский силою
Сдержи и говори спокойно. Обманул
Меня мой друг, во всем нелживый до сих пор,
Который часто слышал от меня: «Снесу
Я ныне все труды, и горшие - потом.
Когда родители покинут этот мир⁸,
Скажу и я, что оставляю все дела, 420
Чтоб жизнь моя, доселе бесприютная,
Мне разрешила гражданином мира стать».
Но все ж, как и отец, он принуждал меня,
Чтоб дважды я взлетел на трон епископский.
В смущенье не впадай, коль не познаешь все:
Когда бы столько сил враги не тратили,
– Чтоб до бесславья довести меня, они
Изобрели бы такой же способ действия.

⁶ Представленный здесь перевод подготовлен на основе одного из новейших изданий лирики Григория [3].

⁷ Василий Великий скончался 1 января 379 года, но Григорий и через два года после ухода его из жизни земной испытывает глубокую скорбь; ср. посвященную Василию Великому эпитафию (AP, VIII,2) в переводе Л.В.Блуменуа:

Легче бы телу, казалось, лишиться души, чем расстаться
Мне, о служитель Христа, друг мой Василий, с тобой!
Но перенес я разлуку - и жив. Для чего? Лучше взял бы
В хоры блаженных с собой ты от земли и меня.
Не забывай меня! Я же - свидетелем гроб! - не забуду,
Если бы даже хотел. Слово Григория в том.

⁸ Отец поэта (тоже Григорий) был священником в Назианце и умер в возрасте ста лет. Нонна, мать Григория, умерла в один день с мужем, на несколько лет пережив дочь и одного из сыновей. Эти события отражены в эпиграммах-эпитафиях (AP, VIII. 21 и VIII. 44), первую из которых (обращение отца к сыну) приведем здесь в пер. Л.В.Блуменуа:

Малый жемчужина камень, но царь средь камней драгоценных;
Мал Вифлеем, но и он родиной стал для Христа.
Пастырем малого стада я был, о Григорий, но стада Избранных.
Сын мой, и ты стадо такое паси.

Какой, ты слышал? Все тебе поведают, 430
 Кто это дело наше неприличным мнит.
 Как относился к другу я, конечно же,
 Прекрасно знают Понт и Кесария вся,
 Все наши общие друзья то ведают.
 Неблагодарно в этом укорять меня,
 Но помнить должно тем о сделанном добре,
 Кто пользовался им, а не свершившему.
 Каков он был со мной, дела поведают.
 Посредь дороги через Каппадокию
 Стоянка есть на перекрестье трех путей, 440

Безводное селенье без растеньица,
 Где скука с теснотой лишают вас удобств,
 Где от повозок пыль да шум, стенания,
 Да слезы, да тьма податей сборщиков,
 Где только пришлым да бродягам вместе жить.
 Здесь, в Сасимах, стоит моя церквушечка.
 Сюда решил меня великодушно так
 Послать для жизни тот, кому епископов
 Пяти десятков мало! Учредил он здесь,
 Борясь с насильно место захватившими, 450
 И кафедру. Я ж первым был тогда
 Среди его друзей - и были мы сильны,
 И раны за святое⁹ не страшили нас.
 О многом важном выше я уже сказал,
 Но сей престол без крови не достался б мне:
 К нему стремились два других епископа,
 И за него велась война ужасная,
 Ее причины - родины деление,
 Два города, меньшими управлявшие.

О душах попеченьем властолюбие 460
 Назвали, да к тому ж - поборы всякие,
 Что мир приводят в состоянье жалкое.
 Что ж было делать мне, свидетель Бог, - терпеть?
 Сносить всех бед удары? В битву ринуться
 Иль в тине задохнуться? Иль отправиться
 Туда, где старость беспокойная моя
 Рукою сильной крова лишена была,
 Чтоб даже хлеб не мог я с гостем преломить?
 Бедняк из бедняков, народом правил бы
 Таким же бедным я, не видя средств помочь, 470
 Лишь прибавляя зло из городских.
 Я тернии срывал бы, а не розы с них,
 Я беды приносил бы, а не выгоды.
 В ином ты жди от нас великодушия,
 А это более разумным предоставь.
 Вот что Афины дали мне, и обучение,
 Под общей кровлей жизнь, еда совместная,
 Ум, общий для двоих, да к Греции любовь¹⁰.
 Клялись мы этот мир отринуть навсегда,
 Самим же общей жизнью для Бога жить, 480
 В дар принося ему одно лишь мудрое.
 Распалось ныне все иль брошено к ногам,
 Уносит ветер упования прежние!

⁹ Вероятно, Григорий имеет в виду притеснения, которые светские власти в период правления императора Юлиана Отступника чинили христианским священникам. О фактах такого рода свидетельствует, к примеру, письмо Василия Великого к занимавшему высокий административный пост Кандидиану [1, с. 66 ел.].

¹⁰ О времени, когда Григорий, Василий и будущий император Юлиан обучались в афинской риторической школе у знаменитого ученого и оратора Гимерия, писатель вспоминает и в «Надгробном Слове Василию»: «Афины приняли нас, словно поток речной; оторвались мы от одного источника- отечества, разошлись в чужие стороны из-за любви к учению и снова сошлись вместе по мановению Божию, словно по взаимному соглашению. Меня Афины приняли несколько раньше, а вскоре после меня - Василия, на которого люди возлагали большие и славные надежды...» [2, с. 80].

Куда идти? Не примете ли, звери, вы
 Меня? У вас, похоже, больше верности
 Вот каковы, коль коротко сказать, дела мои.
 Дух не смиряя, выно я склонил свою -
 Что ж тут сказать? Как я ни покажи тебе
 Свое страданье - станет это жалом мне.
 И вот я - вновь беглец, в горах укывшийся, 490
 Краду себе тот образ жизни, что любим.
 Что пользы в этом? Был я нерешительный
 Беглец; как прежде, проявляя мужество,
 Я снова струсил, гнев отца стерпеть не мог.
 Отец и в первый раз ведь принуждал меня
 Взять в Сасимах престол; когда ж не удалось,
 Второе плаванье затеял он, просил
 Внизу не оставаться, помогать ему,
 С ним труд деля - его уж тяготила плоть.
 Протягивая руки к бороде моей, 500
 Каких он только слов ни обращал ко мне!
 «Тебя отец ведь молит, сын любезнейший,
 Старик-отец - младого, словно господин
 По возрасту и положению - слугу.
 Не золото, не камни драгоценные,
 Не серебро, не землю, не наряды, сын
 Прошу я, но хочу, чтоб ты как Аарон
 Иль Самуил¹¹ у Бога был предстателем.
 Ему ты предназначен; не бесчесть меня,
 О сын, чтоб милосерд Единый был Отец! 510
 Мольба моя - благая и отцовская,
 Не прожил ты на свете столько лет,
 Как я живу и поклоняюсь Господу.
 Дай, дай мне эту милость, а не то другой
 Предаст меня могиле (кара неслуху!),
 Дай дней моих остатку малость дней своих,
 А позже поступай по усмотрению».

Я это слушал и душа моя чуть-чуть,
 Как солнце из-за туч, на мир проглянула.
 Что ж дальше? Прекратились ли страдания? 520
 Подумав, я решил: невелика беда -
 Занять престол церковный, угодить отцу
 «Ведь это, - я сказал, - меня насильственно
 Не свяжет ни с обетом, ни с велением».

Страх-победитель к этому привел меня.
 Когда ж родители свершили жизнь свою,
 Давно желанный жребий унаследовав,
 Свободу получил я не к добру себе.
 Доставшийся в удел мне храм забросил я,
 Не правил службы Господу, не возносил 530
 С народом вместе к Господу моления,
 Не возлагал я рук моих на клириков.
 Но храм отца (там прихожане верные
 Напали на меня, служенья требуя,
 Грозя, что нечестивым он достанется)
 Я опекал, хоть и недолго, приходя
 Туда как гость - признаюсь в этом искренне.
 Говаривал об этом я епископам,
 От сердца чистого молил я их прослать
 В сей городишко мужа для служения. 540
 Правдиво говорил я, что не принял сан,
 Во-первых, при публичном оглашении,

¹¹ Аарон и Самуил - ветхозаветные посредники между Богом и народом Израила. Григорий хочет сказать, что его отец, принуждая сына стать священником, переоценивает его способности и совершенно не учитывает его склонности к литературным занятиям.

А во-вторых, что принял я решение
 Давно уж - и друзей покинуть и дела.
 Не убедил - верх взяли кто, любя меня,
 Кто из-за своего высокоумдрия.
 Вот так в Селевкию¹² я убежал сперва,
 В храм девы Феклы¹³, всеми прославляемой,
 Сказав себе: «Пусть их время убедит
 Другому человеку эту власть отдать». 550
 Там время удалось прожить немалое.
 Но вновь ко мне мои вернулись бедствия,
 И благ я не снискал, столь ожидаемых,
 Зато заботы, от которых я бежал,
 Как будто это свыше мне предписано, 555
 Опять явились мне в великом множестве...

Источники и литература

1. Василий Великий. Девять бесед на Шестоднев; Гомилия на Псалом I; О том, как молодым людям извлекать пользу из языческих книг; Письма / Статья С.С.Аверинцева, пер. Л.А.Фрейберг и Т.А.Миллер // Памятники византийской литературы IV-IX веков - М.: Наука, 1968 - с. 45-69.
2. Григорий Назианзин. Эпиграммы. Гимн Христу. Жалобы. Письма. Надгробное слово Василию Великому (отрывки). Вторая обличительная речь против императора Юлиана (отрывки) // Памятники византийской литературы IV-IX веков - Москва.: Наука, 1968 - с. 70-83.
3. GREGOR von Nazianzus. De vita sua / Hrsg. von Chr.Jungck - Heidelberg: Winter, 1974.

Коцур М.Ф.

ЭТНОНИМИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ОБРАЗНОГО ХАРАКТЕРА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование фрагмента языковой картины мира, представленного этнономинациями, которые обозначают иностранцев в современном английском языке, является одним из актуальных направлений когнитивной лингвистики. Изучение семантики и функционирования этнономинаций позволяет выявить явное отношение носителей английского языка к "чужим" народам, зафиксированное в номинативной системе современного английского языка. Выбор и использование исследуемых номинативных единиц в процессе межэтнического общения зависит от стереотипных установок относительно других народов.

Одним из основных постулатов лингвокультурологии является тезис о том, что нельзя понять механизмы языка того или иного народа без понимания его менталитета.

Расширение языковых контактов, повышенный интерес к изучению культур различных народов, характерные для конца XX-начала XXI в.в. делают проблемы межкультурной коммуникации все более и более актуальными.

В современном английском языке система этнономинаций представлена официальными этнонимами, именами собственными - популярными личными именами народа-референта, а также этнонимическими названиями образного характера, которые указывают на внешность, расовую принадлежность, культурные особенности, такие как образ жизни, типичное поведение, гастрономические предпочтения.

Этноним как родовое, общее понятие имеет специфическое содержание. Если рассматривать буквально значение, то этот термин может обозначать только определенный этнос, например: *Russians, Americans, British, French*. Современные названия этнонимического характера обычно означают наднациональные, этнически смешанные, административно-политические человеческие общности, например: *British u Englishmen, Angels, Welsh, Scots, Irish* [1, с.31]. Существует множество прозвищ для рас, наций и этнических общностей, которые используются очень часто, и в тоже время имеется множество вопросов относительно их использования. Самый легкий способ - это назвать людей по их национальности. Но необходимо помнить, что для многих этнических групп имя общности очень важно, поскольку они уходят корнями в историю данной этнической группы и часто являются вопросом этнической гордости.

В Соединенных Штатах Америки в конце 1950-х движение гражданских прав во главе с доктором Мартином Лютером Кингом ввело в речь новые прозвища для чернокожего населения страны. Слово *Negro* (черный) заменил ранее используемый *Colored* (цветной), а в 1970-х *Negro* был заменен на *Black*, что имеет то же самое значение, что и *Negro*, но испытывает недостаток коннотаций второго гражданства.

¹² Селевкия - под таким названием известны несколько городов на Ближнем Востоке; скорее всего, речь идет о расположенном на берегу Средиземного моря городе в провинции Киликия.

¹³ Речь идет о каком-то одном из многих посвященных Святой Фекле монастырей; эта женщина - спутница Св.Апостола Павла была вместе с ним осуждена при римском императоре Нероне на казнь, но чудесным образом спаслась, так как выпущенные на арену цирка хищные звери не растерзали ее.